

Образ советской России
на страницах журнала «Вельтбюне»:
1917–1921 гг.

Журнал «Вельтбюне» – одно из ведущих демократических изданий Веймарской республики – уделял особое внимание России. Русская революция и победа большевиков вызвали в немецком обществе дискуссии о путях дальнейшего развития советской системы. Левые интеллектуалы Германии активно участвовали в публицистической полемике на «русскую тему», особенно в период становления советского режима (1917–1921 гг.). В статье показывается, что восприятие Советской России носило неоднозначный и спорный характер в левом идеологическом лагере (СДПГ, НСДПГ). С одной стороны, приветствовалось освобождение от царизма и имперской политики, с другой – подвергались критике массовый террор и жестокие методы большевиков, направленные на сохранение собственной единоличной власти.

Ключевые слова: Веймарская республика, СДПГ, Советская Россия, Русская революция, большевизм, журнал «Вельтбюне», левые интеллектуалы.

Окончание Первой мировой войны произошло на фоне стремительной реализации революционных идей в Европе и мире. Грандиозное событие, каким без сомнения явилась Октябрьская революция¹, не только внесло новые акценты в российско-германские отношения, но и отразилось на взаимном восприятии народов и культур двух стран. После Ноябрьской революции в 1918 г. немецкие интеллектуалы, как левого, так и правого толка, приняли участие в разработке собственной национальной идеологической модели постреволюционного развития Германии. В этой связи опыт России стал чрезвычайно востребован. Большевицкие идеи о новом государстве и обществе стали рассматриваться как альтернатива

западной буржуазной системе строительства и развития государства. С этого времени в фокусе немецких интеллектуалов оказалась советская Россия.

Кроме того, после российской революции 1917 г. именно германская 1918/19 гг. была важнейшим звеном в цепи начавшейся международной, европейской революции. То, что эти звенья оказались разнородными, несоединимыми, в решающей мере определило в дальнейшем неудачу революции мировой, которую в то время ожидали, о которой мечтали революционеры².

Захват власти большевиками рассматривался и маркировался в немецких текстах как революция, которая обозначалась либо «октябрьской», либо «большевистской», либо «русской». Отметим, что все три определения обладали синонимическим характером. Подобное употребление было характерно не только для текстов «консервативной революции», но и для коммунистов, социал-демократов и национал-социалистов. Терминологического расхождения относительно событий Октября 1917 г. – «революция», «захват» или «переворот» – в немецких текстах любой политической силы не наблюдается.

Основные дискуссии велись не вокруг обозначений и терминов, разногласие вызывало содержание и оценки Октябрьской революции, ее последствия для России и мира. Рассуждения на эту тему и стали отправной точкой для создания образа России, который был для каждой политической силы Веймарской Германии свой.

Спартаконцами, а в дальнейшем и Коммунистической партией Германии (КПГ) Октябрьская революция 1917 г. воспринималась как долгожданное освобождение рабочего класса и угнетенного крестьянства от помещиков и капиталистов. Немецкие коммунисты полностью поддерживали роль (и цели) большевистской России в мире³.

Позиция социал-демократов имела двойственный характер. С одной стороны, имелось какое-то подобие основополагающей симпатии к русским, которые свергли царизм, приветствовалось освобождение русского народа, но осуждались насилие и террор, в частности диктатура пролетариата. В то же время можно отчетливо проследить мифологический императив, господствовавший в представлениях о России, сложившийся еще накануне и в годы Первой мировой войны. Так, видный деятель социал-демократической партии, депутат, участник революционных событий в 1918 г. Г. Носке писал: «В этот момент мы все ощущаем долг бороться против господства русского кнута. Женщины и дети Германии не должны стать жертвами русских зверств, немецкая страна – добы-

чей казаков. ...Поэтому в данный момент мы защищаем все, что относится к немецкой культуре и немецкой свободе, от беспощадного варварского врага»⁴. В позиции социал-демократической партии Германии (СДПГ) относительно восприятия России и конструирования ее образа прослеживается историческая преемственность, идущая от размышлений Маркса и Энгельса периода революционных волнений в Европе 1848–1849 гг.⁵

СДПГ явно отмежевывалась от автократического и недемократического стиля власти Ленина, а затем и Сталина. К тому же СДПГ отныне боялась претензий русских коммунистов на мировую славу, т. к. они апеллировали к тем же адресатам, а именно к рабочему классу, тем самым грозя серьезной конкуренцией собственному реформаторскому курсу⁶. В целом коммунизм понимался как конкурент собственным внутривнутриполитическим идеалам и рассматривался как идеологический противник⁷.

Образ большевистской России в среде германской социал-демократии определялся влиянием трех основных факторов, действие которых далеко не всегда было одновекторным: идеологическими традициями, событиями внутри самой Германии и ее внешнеполитическим положением. Большое значение имел образ России, сложившийся до Первой мировой войны. Несмотря на все уважение к русским революционерам, социал-демократы рассматривали русских как отстающую в цивилизационном и социально-экономическом отношении нацию. Исходя из собственных представлений, германские социал-демократы считали эволюционное развитие, уровень индустриализации, зрелость рабочего движения, правового государства и демократии показателями, определяющими степень готовности страны к социализму. Попытка осуществить его в отсталой аграрной России казалась им нереальным и рискованным предприятием⁸.

Особое место в создании и внутреннем наполнении образа России и большевизма различными оценочными суждениями занимал журнал «Вельтбюне» («Die Weltbühne»). В значительной степени издание было ориентировано на ту часть образованного населения Германии, которая либо с интересом относилась к левой идеологии, либо напрямую разделяла левые политические установки. Это касалось как членов партий (СДПГ, Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ), КПП), так и сочувствующих (различные клубы, объединения и организации). Издание служило своеобразным рупором левых интеллектуалов и оставалось таковым на всем протяжении существования Веймарской республики⁹.

Журнал «Die Weltbühne» был основан в 1905 г. как литературно-искусствоведческий, до 1918 г. издавался под названием «Шаубюне» («Die Schaubühne»), но в связи с начавшими превалировать в нем общественно-политическими проблемами был переименован¹⁰. Расширение тематического поля было связано как с общественно-политическими изменениями в Германии, так и с усилившимися идейными столкновениями, которые с провозглашением республики уже не только носили теоретический характер, а имели реальные политические последствия, в частности в виде борьбы за голоса избирателей. До 1926 г. издателем и руководителем журнала был Зигфрид Якобсон¹¹, после смерти которого фактическими руководителями стали Курт Тухольский и Карл фон Оссецкий. Радикально-демократическая направленность журнала, публицистическая борьба его авторов с оппонентами из правого лагеря, с представителями антидемократических сил стала основной причиной закрытия журнала 7 марта 1933 г. после установления национал-социалистической диктатуры.

К общей характеристике издания необходимо также отнести периодичность издания – один раз в неделю и тираж, который колебался от 10 (1925 г.) до 15 тыс. (1930 г.)¹². Кроме того, необходимо отметить, что, начиная с январского номера 1920 г., журнал отказался от готического набора и перешел на антикву, что можно расценивать как выражение демократической направленности «Вельтбюне» не только с точки зрения содержания, но и формы¹³.

Одним из вопросов, который находился в центре внимания публицистов – значение революционных изменений в России, прежде всего, захват власти большевиками и провозглашение первого в мире государства рабочих и крестьян не только для бывшей Российской империи, но для всего мира. Может ли этот опыт быть распространен на другие страны и не является ли это реальной угрозой для капиталистической системы в целом¹⁴. Если для статей 1918–1922 гг. было характерно некоторое сомнение в том, что большевики смогут удержать власть, то после провозглашения нэпа авторов скорее занимал вопрос, к чему приведет экономическая либерализация и как это повлияет на внутреннюю политику большевиков.

Основанием для скепсиса в отношении способности большевиков удержать власть были гражданская война и как следствие массовый террор, провозглашенный Лениным для всех, кто не проявлял лояльность советскому режиму. В статье 1919 г. «Россия и Германия» автор, анализируя действия Деникина и его успехи в отношениях с правительствами стран Антанты, предрекает: «Дни

советского господства сочтены, но трагедия заключается в том, что на смену ему придет не демократия, а жестокая реакция»¹⁵. При этом «русская контрреволюция угрожает не только европейскому развитию, но и представляет огромную опасность для немецкой демократии». Вина за подобное развитие событий целиком и полностью возлагается на западноевропейский социализм, в частности на представителей его левого крыла, которые ничего не сделали для того, чтобы остановить brutальные политические действия своих товарищей из России. Тем самым можно говорить о том, что большевики все еще воспринимались как часть общеевропейского социалистического фронта, в одном ряду с которыми были европейские ультраевые социал-демократы. Кроме того, можно отметить и то, что создание и ведение пропагандистской работы III Интернационала еще не рассматривалось как большевизация мирового социалистического движения, а восприятие большевизма было свободным от понимания этого явления как исключительно национального русского феномена.

Знакомство немецкого читателя с историей российской социал-демократии логично связать с ростом интереса к большевизму *per se*. Вероятно, именно здесь зарождается постепенное размежевание с большевизмом европейского, в частности немецкого, социалистического движения. Начиная с 1920 г. в «Вельтбюне» выходит сразу несколько статей, касающихся истории развития российской социал-демократии. Элиас Гурвич¹⁶, уроженец Российской империи, хорошо знакомый с русскими реалиями, читающий по-русски (в его статьях часто можно встретить ссылки на советские газеты), в статье «Социалистические партии в России» дал краткий обзор истории становления социал-демократической идеи в России, объяснив, кто такие эсеры, почему и когда возник раскол на большевиков и меньшевиков. При этом последние, по его мнению, «являются истинными хранителями традиций российской социал-демократии, восходящей к Плеханову», – в то время как большевики «всегда выступали за абсолютный централизм и милитаризацию партии»¹⁷. Тем самым доказывалось, что массовый террор является продолжением заявления Ленина об «осадном положении в партии» и, по сути, лежит в самой идее большевизма. Следуя этой же логике, Гурвич призывает отказаться от блокады Советской России, объявление которой «приведет к бесчисленным невинным жертвам, умирающим от голода», и заключить мир с большевиками для того, чтобы лишить их мобилизационной силы: «большевизм, сущность которого заключается в *religio militans*, сохраняется и укрепляется благодаря борьбе с ним... Если заключить

мир, то большевизм лишится своей воинственной платформы и будет вынужден показать, что он может свершить позитивного на самом деле»¹⁸.

Критика большевиков за их «нечеловеческие методы ведения политической борьбы и устранение оппозиции при помощи ВЧК» нашла свое отражение в статье Гурвича, посвященной конфликту между большевиками и эсерами. Последние, как и Виктор Чернов, вынужденный спасаться бегством за границу из-за своих критических высказываний, явно вызывают симпатии автора, который определяет эсеров как «единственную в настоящий момент партию в России, способную быть в оппозиции к большевикам»¹⁹. Такое подробное освещение внутривнутриполитических конфликтов, идеологических нюансов российских социалистических партий и революционных требований заведомо усложняло восприятие событий в России характерными особенностями и деталями, требующими владения историческим и политическим контекстом. Но в то же время это способствовало расширению объема представлений о развитии ситуации в России, ее пониманию с помощью рациональной, аналитической системы аргументации и доказательств, что в конечном итоге приводит к демистификации русской революции и большевизма.

Причины революции в России, стремительного развития которой в сторону советской системы никто не ожидал, на страницах журнала «Вельтбюне», как правило, объяснялись аграрной (крестьянской) спецификой экономики страны. Такая точка зрения существовала на всем протяжении рассматриваемого нами периода. В статье 1917 г. автор замечает: «Радикализация русской революции проистекает не из трудов западноевропейских социалистических идей, как многие полагают. Ее причины необходимо искать исключительно в аграрной традиции России»²⁰.

Такой же точки зрения придерживался и Г. Штрёбель в своей статье 1920 г., в которой рассматривал истоки русской революции и заочно полемизировал с Р. Ролланом, ставя под сомнение «мистические духовные силы русского народа, с помощью которых и была устроена революция... Истоки русской революции объясняются довольно легко и просто без всякой мистики: экономическими отношениями... Большевицкая революция – это крестьянская революция»²¹. Примечательно и название статьи, которое должно было выражать суть крестьянской специфики революции в России – «Триумф недочеловечности»: «Большевицкая система является системой господства меньшинства и поэтому она не может не опираться на террор и диктатуру, которые являются следствием отсут-

ствия культуры у русского крестьянина. Экономическая отсталость и низкое культурное развитие, которые больше нигде не встречаются в Западной Европе, делают там невозможным большевистское господство»²². В данном случае ход авторских размышлений во многом должен был способствовать успокоению социал-демократически ориентированного читателя, который, с одной стороны, испытывал неподдельный интерес к колоссальным изменениям в России, с другой – опасался распространения большевизма в Германии.

Голод, охвативший Советскую Россию в 1921–1922 гг., рассматривался на страницах журнала «Вельтбюне» как прямое следствие массового террора и гражданской войны. Так, Э. Гурвич отмечает, что «экономика России лежит в руинах не из-за мировой войны, как это все еще любят объяснять большевики, а из-за их собственной неумелой политики»²³. Масштабы катастрофы были известны в Германии не только благодаря многочисленным публикациям, но и различным мероприятиям (выставкам, собраниям и т. д.) вокруг этой тематики²⁴. Страшная трагедия, безусловно, привнесла в дискуссии о Советской России гуманистическое измерение, вызывающее сочувствие к невинным жертвам, оказавшимся заложниками политической ситуации. В то же время это способствовало возобновлению разговоров о «скором падении советской власти, которое ждут с момента захвата власти большевиками»²⁵.

Неспособность советского правительства решить экономические проблемы, по мнению Э. Гурвича, привело к восстанию в Кронштадте, которое большевики «пытаются выдать за “белогвардейский заговор”, хотя на самом деле это реакция народа на враждебную ему политику советских властителей»²⁶. Примечательно, что автор, описывая события марта 1921 г., ссылаясь в своей статье на «Кронштадтские Известия», а не на эмигрантские издания, которые воспринимались как предвзятые и ложные. Это же распространялось и на самих эмигрантов, прежде всего аристократов, представителей буржуазии. В этом плане показательна заметка К. Тухольского «Белые русские», которые «живут по всей Европе и единственное, что их объединяет – месть... поэтому они не могут быть судьями Советской России»²⁷.

Таким образом, в размышления о русской революции и большевизме в первые годы существования Советской России преследовали цель понять причины и истоки этих явлений, которые сводились, прежде всего, к аграрному вопросу, а также спрогнозировать траекторию развития режима в ближайшей перспективе. Отмечались тактический талант большевиков, которые были способны разыграть карту внешней угрозы для консолидации населения и партии против враждеб-

ного капиталистического окружения. При этом методы, которые использовались для этой цели, подвергались беспощадной критике как бесчеловечные и не заслуживающие никакого оправдания. Другим важным смысловым элементом в рассуждениях на «русскую тему» был вопрос о возможной внутренней эволюции режима не столько под давлением извне, сколько под воздействием внутренних причин, таких как Кронштадтское восстание и голод 1921–1922 гг.

Примечания

- ¹ Блестящий анализ влияния Октябрьской революции на развитие мирового сообщества в XX столетии провел Эрик Хобсбаум. В частности, он отметил: «Казалось очевидным, что прежний мир обречен. ...Человечеству нужна была альтернатива. ...Казалось, что нужен лишь сигнал, и народ поднимется, чтобы заменить капитализм социализмом, а бессмысленные страдания мировой войны – чем-то более позитивным, например кровавыми муками и конвульсиями рождения нового мира. Русская революция или, точнее, большевистская революция в октябре 1917 г. была воспринята миром в качестве такого сигнала» (*Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век: 1914–1991. М.: Независимая газета, 2004. С. 66*).
- ² *Драбкин Я.С.* Коминтерн и Германия в свете архивных документов // Россия и Германия: События, образы, люди. Вып. 3: Материалы международной научной конференции «Россия и Германия: опыт и уроки отношений XIX–XX вв.». Воронеж, 2000. С. 66.
- ³ *Gorski G.* Deutsch-sowjetische Freundschaft: Ein historischer Abriss von 1917 bis zur Gegenwart. Berlin (Ost): Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975. S. 20.
- ⁴ Цит. по: *Vemme B.* Представления немцев о России в XX столетии // Веймарская республика: история и источниковедение. Иваново: ИГУ, 2001. С. 21.
- ⁵ В статье Энгельса «Русские», опубликованной в «Новой рейнской газете» (*Neue Rheinische Zeitung*) 19 апреля 1848 г., рисовалась довольно мрачная картина: «Полмиллиона вооруженных и организованных варваров только ждут подходящего момента, чтобы напасть на Германию и превратить нас в крепостных православного царя... Победа контрреволюции в Вене и Берлине еще недостаточно сильно подействовала на нас. Но когда Германия почувствует на себе русский кнут, тогда-то уж она поведет себя несколько иначе» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений: Т. 1–39. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1957. С. 470).
- ⁶ *Lösche P.* Der Bolschewismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie: 1903–1920. Berlin: Colloquium, 1967. S. 33.
- ⁷ *Zaruský J.* Die deutsche Sozialdemokraten und das sowjetische Modell: Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitischen Konzeptionen: 1917–1933 // Studien zur Zeitgeschichte. München, 1992. Bd. 39. S. 20–21.

- ⁸ Кардашова Е.В. Эволюция образа большевистской России в СДПГ в 1917–1919 гг. // Германия и Россия: События, образы, люди: Сб. российско-германских исследований: Вып. 2. Воронеж: ВГУ, 1999. С. 43.
- ⁹ *Ensling A.* Die Weltbühne, Organ der intellektuellen Linken. Münster: Fahle, 1962.
- ¹⁰ Буск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново: ИГУ, 1995. С. 137.
- ¹¹ Зигфрид Якобсон (Siegfried Jacobsohn), журналист и театральный критик, в значительной степени повлиявший на развитие художественной Германии и, прежде всего, Берлина накануне Первой мировой войны и в послевоенные годы в период «Золотых двадцатых».
- ¹² Буск И.Я. Указ. соч. С. 137.
- ¹³ Приверженность к готическому, а значит – истинно немецкому шрифту служила своеобразным маркером политической ориентации. Так, например, консервативно ориентированные издания «Die Tat» или «Süddeutsche Monatshefte» и др. набирались готическим шрифтом, который рассматривался как выражение германской исключительности. Подробнее об этом см.: Rück P. Die Sprache der Schrift. Zur Geschichte des Frakturverbots von 1941 // Homo scribens. Perspektiven der Schriftlichkeitsforschung. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 231–272.
- ¹⁴ Lorarius (Alfons Goldschmidt) Neue Kurse // Schaubühne 13/II, Nr. 50, 13.12. 1917. S. 573–574.
- ¹⁵ *Ströbel H.* Rußland und Deutschland // Weltbühne 15/II, Nr. 44, 23.10.1919. S. 497.
- ¹⁶ Элиас Гурвич (Elias Hurwicz) (1884–1973) родился в Рогачеве, после еврейских погромов 1905 г. его семья переехала в Берлин. В 1920-е гг. активно публикуется в различных демократически ориентированных изданиях на тему русской революции и Советской России. См.: Hurwicz Elias // Lexikon deutsch-jüdischer Autoren. Bd. 12., München: Saur, 2005. S. 280–286.
- ¹⁷ *Hurwicz E.* Die sozialistischen Parteien Rußlands // Weltbühne 16/I, Nr. 19, 06.05.1920. S. 521.
- ¹⁸ *Hurwicz E.* Friede mit den Rußland // Weltbühne 16/I, Nr. 05, 29.01.1920. S. 138–139.
- ¹⁹ *Hurwicz E.* Bolschewiki und Sozialrevolutionäre // Weltbühne 17/I, Nr. 04, 07.01.1921. S. 94–97.
- ²⁰ Lorarius (Alfons Goldschmidt) Neue Kurse // Schaubühne 13/II, Nr. 50, 13.12. 1917. S. 573.
- ²¹ *Ströbel H.* Der Triumph des Untermenschentum // Weltbühne 16/II, Nr. 27. 01.07.1920. S. 2–3.
- ²² Ibid. S. 3.
- ²³ *Hurwicz E.* Der Ausverkauft Rußlands // Weltbühne 17/I, Nr. 08, 24.02.1921. S. 214.
- ²⁴ *Fischer H.* Das hungernde Rußland // Weltbühne 18/II, Nr. 32, 10.08.1922. S. 150–151.
- ²⁵ *Hurwicz E.* Um das hungernde Rußland // Weltbühne 17/II, Nr. 38, 22.09.1921. S. 283.
- ²⁶ *Hurwicz E.* Götzendämmerung in Rußland // Weltbühne 17/I, Nr. 13, 31.03.1921. S. 354.
- ²⁷ *Wrobel I. (Tucholsky K.)* Weiße Russen // Weltbühne 21/I, Nr. 08, 24.02.1925. S. 239.